

Аркадий Смирнов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Узоры и узорчики военной лямки

Анекдотичные истории военного быта

Аркадий Смирнов

Узоры и узорчики военной ляжки

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Смирнов А. Д.

Узоры и узорчики военной ляжки / А. Д. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2013

За 30 лет военной службы в ВВС у автора накопилось множество анекдотичных историй из быта и службы в гарнизонах. Все эпизоды имеют под собой реальную основу. Изменены имена и фамилии отдельных действующих лиц и названия гарнизонов. Содержит нецензурную брань.

Аннотация

За 30 лет военной службы в ВВС у автора накопилось множество анекдотичных историй из быта и службы в гарнизонах. Все эпизоды имеют под собой реальную основу. Изменены имена и фамилии отдельных действующих лиц и названия гарнизонов.

Содержит попытки нецензурных выражений..

*Вращенным эстетам и благородным
ледям может не понравиться*

Предисловие

Три толстых общих тетради – мое наследство после 29 лет военной службы. Эти тетради содержат записи о событиях в воинских частях, где служил я или мои два однокашника по авиационному инженерному училищу. Вести записи мы начали еще на третьем курсе учебы.

Тетради заполняли не только мы, так как хранились они у холостяков в офицерском общежитии. Там они были в безопасности от жен (когда мы со временем женились) и детей, а главное – от замполитов, парткома и прочих, интересующихся ими по долгу службы. В эти тетради писалось все, происходящее на службе и в командировках, и на отдыхе.

На страницах, кроме записей событий, много следов от закуски и не вытертых после пиршества пальцев, отпечатки стаканов с кофе или чем покрепче. На двух страницах сохранились преферансные «пули» с расчетами за «классику» по полкопейки за вист, видимо другой бумаги под рукой не было.

Я не могу утверждать, что эти записи являются летописью авиационных частей. Нет. Про учебную и боевую подготовку там почти ничего. Записывались скорее анекдотичные происшествия, проявления характера сослуживцев и все, что привлекло внимание. При этом не надо упрекать автора в «нездоровом взгляде» на военную службу. Служили мы все «будь здоров», а не «от сих и до сих», как сейчас. Тогда не было понятия «регламент служебного времени». Один или два дня в неделю не было полетов, значит по 8 часов, если нет отказов на самолетах. А отказы были, тогда без счета времени, пока не найдешь и не устранишь. Во время полетов смена длилась 12 часов: за три часа до полетов – вытаскивание самолетов на стартовую позицию и предполетная подготовка (проверки с аппаратурой) на них, потом 8 часов полеты, затем разбор полетов (достижений, ошибок и недостатков) и растаскивание самолетов по укрытиям. А если были отказы в воздухе – то занимались сразу же выявлением причин и заменой отказавших узлов и приборов. И так продолжалось до перехода в дивизию и получения звания подполковник, когда уже о причинах отказов тебе стали докладывать по телефону.

Конечно пришлось редактировать стиль изложения с военно-командирского языка на русский. В ущерб краткости необходимо было добавить некоторые объяснения, иначе кроме авиаторов не все бы поняли терминологию. Поэтому эти записи я и назвал не хронологией военной службы, а некоторыми эпизодами (узорами) из нее. В конце повествования небольшой экскурс для не служивших в армии.

Автор

Образец среднестатистического курсанта

В училище многие преподаватели любят рассказывать анекдоты про некоего курсанта Васю. Например.

Приходит Вася на экзамен. Один из дополнительных вопросов: зачем трехфазному току три провода? Вася не растерялся, посмотрел по сторонам. А в экзаменационных лабораториях принято было отвечать у классных досок, вкратце записывая тезисы ответа и рисуя выводы и схемы. На одной из досок была изображена формула переменного тока. Все знают, что при получении билета, сосредотачиваешься на этих трех вопросах, остальное отлетает на время. После трудно перейти к общему курсу теории. Вот Вася и отвечает по формуле:

–

По одному проводу идет напряжение, по другому – ток, по третьему – косинус «фи».

Многие преподаватели «выдающиеся» ответы записывают в свои записные книжки. Некоторые, хохоча, даже зачет за лабораторную работу могут поставить, если насмешишь.

Так и Архипов получил. На кафедре авиационных электрических машин и электромеханизмов двойную беличью клетку (одна из технологий теории изготовления электрических машин) он назвал двойной заячей обмоткой. Старший преподаватель – полковник Брыскин – сполз со стула, держась за живот, только и сказав:

–

Молодец! Зачет. Продолжай и впредь так же.

Перед экзаменом по гироскопическим устройствам преподаватель всем громогласно объявил:

– По моему курсу даже тройку получить – нужно умудриться, а двоек не бывает вообще. Я разрешаю пользоваться любой литературой, которую вы захотите принести с собой. Конспекты, если писали, можете взять на экзамен и отвечать по ним, если вам так удобнее. Основные учебники будут лежать на первом столе в трех экземплярах, можете брать, искать в них ответы на вопросы вашего билета. Инженер, по моему убеждению, не должен знать все наизусть. Но должен хорошо понимать законы природы и уметь пользоваться справочной литературой.

Но курсанты умеют достичь невозможного! И Ватрушкин из второй группы умудрился получить двойку, – его выгнали с экзамена за списывание со шпаргалки. Причем он прятал её от преподавателя. А тот и посчитал, что Ватрушкин над ним издевается.

В одной из лекционных аудиторий обнаружили выцарапанное на учебном столе послание от самого Васи! Рядом с неровными строчками было сквозное отверстие в полуторасантиметровой доске. Текст гласил:

– «Здесь сидел Вася. За 19 учебных пар только иголкой прокрутил сквозное отверстие в подтверждение пословицы про терпение и труд». Вывод: поменьше ерзай, а то сотрешь мозги за пять лет! Чем думать будешь?!

Рацпредложение

Комдив уделял повышенное внимание к благоустройству территории перед штабом. Кокетливый деревянный штакетник всегда свежеевыкрашен, цветы на клумбах солидные: розы, георгины. Легкомысленных ромашек и прочую мелочь не терпел. На мощеных кирпичом дорожках – ни соринки. Все с утра осматривал и часто делал разнос дежурному по управлению. Наведением порядка заниматься приходилось солдатам батальона связи. Сильно доставало их это занятие.

Один из них, отправляясь на дембель, сыпанул на клумбы семян ноготков. Они благополучно укоренились и проросли. Заметили их не сразу. И, заметив, замучались бороться. Выпалывали начисто, ноготки прорастали снова. Комдив топал ногами, увидев хоть один несанкционированный цветок.

А тут еще поселили неподалеку стройбат для строительства чего-то. Каждое утро очень рано эта мало управляемая орда, отправляясь на работы, выстраивалась у штакетника и справ-

ляла малую нужду по всей его длине, не обращая внимания на крики связистов и дежурных офицеров. Им до того понравилось дразнить авиацию, что, запоздав на работах и зная, что кроме дежурных в штабе никого нет, стройбатовцы проделывали это и вечером.

Пойти к ним в казарму и набить морды связисты не могли ввиду своей малочисленности. Забор приходилось мыть из шланга два раза в день, и все равно он быстро желтел. Красить приходилось раз в 4-5 дней. Чувство мести и ненависть росли. Нашелся умелец и предложил «рацуху». По нижней планке забора протянули толстую медную проволоку. Через реостат подсоединили ее к дизель-генератору (сеть могла не выдержать). Решили, что 70 вольт хватит для испуга и не убьет. Произвели настройку.

Рано утром, как обычно, человек до сотни стройбатовцев встали вдоль забора и с гоготом приступили к процедуре опорожнения мочевого пузыря.

–

Включай! – Подал команду наблюдатель у форточки.

–

Есть!

На эксперимент пришли посмотреть даже те, кто должен был отдыхать после дежурства. Посмотреть было на что! Электрический ток обладает свойством расслаблять и парализовать мышцы, не давая прекратить начатое до последней капли, так как поступает он через струю. При этом ощутимо трясет!

Материться, кричать и прекратить истечение «писающие мальчики» (есть такие фонтаны в городах Европы) не могли. Их трясло, они поливали друг друга и свои колени. Очень возможно, что некоторые сходили по «большому».

Утренние и вечерние «поливы» прекратились. Пару раз ночью кинули в окна штаба обломками кирпича. Но, когда дежурный офицер, выскочив, пальнул из пистолета пару раз в воздух, стройбат начал на работы и обратно ходить вообще другой дорогой.

Охотничий эпизод на рыбалке

В середине марта пригласили меня на рыбалку в воскресенье. Служил я тогда в Вазияни. Поехали спозаранку на двух машинах на Джандари. Это водохранилище на границе Азербайджана и Грузии, азербайджанцы называют его Джандаргель. Было нас 7 человек: 5 офицеров и 2 дамы – жены хозяев машин. С утра хорошо поймали на донки и удочки лещей и сазанчиков. С 9 часов солнце хорошо припекло, клев стих. Женщины начали готовить уху, остальные растелелись для загара, легли в кружок, немного выпили и разговаривали.

Народу на берегу было сотни две в пределах видимости – рыболовы, отдыхающие. Метрах в трехстах располагалась охотничье-рыболовная турбаза, работала шашлычная. С нами был начхим полка. Он от нечего делать показал, как правильно использовать взрывпакет, но взрывал его не в воде – на берегу.

Спустя минут пять после шумового показа к нам подошел грузин лет тридцати пяти, хорошо поддатый, веселый, но на ногах стоял уверенно и изъяснялся грамотно и без акцента.

–

Послушайте, товарищи! У вас еще такая штука есть?

–

Какая?

–

Ну, не граната, а чтобы маленький бух делать!

–

Зачем?

–

Понимаете, друзья, вон в ту траву (он показал рукой на остров камыша в сотне метров от берега) утка дикая заплыла. Я на лодке с ружьем поближе встану, в камыш «бух» кину. Утка полетит, я ее стреляю и в суп!

–

А ты пользоваться умеешь? – химик спросил.

–

Вай, спрашиваешь! Вот зажигалка, поджигай, кидай, жди – пока полетит!

–

Ну, что? Дадим?

–

А есть? Ну, дай. Мы с берега посмотрим, все веселее.

Спустя минут десять охотник с ружьем под мышкой стоял в алюминиевой лодке перед камышом. Из кармана достал зажигалку, поджег пакет. Затем зажигалку кинул в камыш, взрывпакет сунул в карман. Взял ружье наизготовку. Шарахнуло в правом кармане. Он врезал из двух стволов в дно лодки и отдачей вылетел из нее вместе с ружьем. Причем штаны с него слетели в воздухе, видимо ремня не было, а пуговицы поотлетали при «бух». Мы вскочили: придется плыть в холодной воде – спасать. Но вынырнул и по-собачьи поплыл к берегу. Доплыл до мелководья в стороне от нас (метрах в 40) и долго шел к берегу в сиреневых кальсонах, смущая дам. Хохотал весь берег, народу было много.

Через полчаса он руководил группой приятелей на двух лодках по подъему утонувшей плоскодонки, ружье так и не нашли. «Кошкой» не зацепили, а нырять в холодную воду на глубину метра в 4 никто не стал.

Электросекс

В офицерской палате терапевтического отделения Лейпцигского госпиталя сидим за столом и «расписываем пулю – сочинку» (преферанс) по 3 пфеннинга за вист. Один из играющих, капитан, забыл я уже – из какого он был гарнизона, рассказывает.

Как то в июле заступил я в патруль по военному городку. Обязанности самые простые. Я с пистолетом да два бойца со штык-ножами слоняемся по городку с 17 до 24 часов, поддерживая порядок и вызывая подкрепление, если что-то серьезное произошло, и сами не справимся. Но ничего, как правило, не происходит, – в ГСВГ (группа советских войск в Германии) все боятся быть откомандированными в Союз, не пьют до потери разума и не дебоширят. Время подходит к 24, пора солдат в казарму вести, сдавать пистолет и патроны дежурному. А идем мы в этот момент мимо пятиэтажки. Окна уже не светятся – все спят – будний день. Вдруг вроде вскрик в подъезде. Я поднял руку, мы остановились, прислушиваемся.

Свет в подъезде вспыхивает. Спустя секунду распахиваются двери, и выскакивает на улицу женщина лет 25 в следующем виде. На ногах босоножки, больше до талии ничего нет, бедра голые сверкают. Выше – тонкая кофточка распахнута и голые груди наружу, ну не меньше размера четвертого! Волосы светлые на голове дыбом. А глаза вытарщены, как в мультиках – ужасиках. Не различая пешеходных дорожек, она рванула по газону, клумбе и припустила по дороге. Через секунд пять ее уже не было.

Когда я пришел в себя от увиденного – пистолет был уже в правой руке и взведен. Солдаты прислонились к стенке дома, рты у них были открыты – редкое сексуальное зрелище. Стали снова прислушиваться: вдруг серьезная бытовая разборка, и сейчас муж с топором выскочит. Минута прошла, все тихо, свет погас в подъезде (он там автоматически выключается). Решил зайти в подъезд. Бойцам сказал: стоять снаружи и не соваться, случись с ними что – отвечать потом.

В подъезде – тихо, только в подвале почему-то свет горит. На цыпочках спускаюсь. Влево по проходу – никого, справа – сидит какая-то фигура на ящике со спущенными штанами левым боком ко мне. Движения никакого. Свет неяркий, решаюсь подойти ближе. На форменной рубашке погоны капитана, ворот распахнут, галстук болтается. Брюки и трусы у него спущены на ботинки, и весь он спереди от груди до пола обделан жидким содержимым, а точнее – поносом. Запах вокруг!

Я осторожно, чтобы не испачкаться, рукояткой пистолета его в плечо – торк! Поднимает голову. Глаза мутные и зрачки плавают. Сфокусировал на мне кое-как и медленно шепотом говорит:

–

Слышь, капитан! Ты меня не трогай, противно небось? Я сам сдаюсь и все расскажу. Только замнем, давай, пока никто не знает, дело житейское.

И рассказывает. Приехал он вчера из Союза по замене служить на 5 лет. Пока его сменщик (тот, кого он приехал заменить) квартиру не освободил, поселили в общежитии. Выпили они со сменщиком привезенную (обязательная при замене) бутылку водки у него дома, добавили еще чуть-чуть, рассказывая друг другу об условиях службы на новых местах, и пошел он в общежитие. А вечером, на ужине в офицерской столовой, подклеил официантку. Сто марок ему по приезду обменяли. Вот они и пошли в гаштет (немецкий ресторанчик) отметить знакомство. Отметили. А куда ее вести? В общежитии комнаты на троих, да и она, как вольнонаемная, с двумя подругами в комнате живет. Добавили от безысходности, и стало почти все равно – куда, хоть в лесок! Тут она и говорит:

–

Уже двенадцатый час, все спать легли, пойдем в подвал одного дома, в нем подъезды не захлопываются на замок. А там тепло, сухо и свет есть.

Пошли. Все, как сказала. Он ее прираздел и с себя снял, что мешало. Наклонил ее, взялась она за какую-то трубу, ну и приступил к делу. Слышит:

–

Ты, свет-то потуши, он нам пока не нужен. Там справа от тебя выключатель я видела.

Не глядя начал нащупывать, и последняя связанная мысль была: почему корпус выключателя разбит?! Потом затрясло, погорячело везде в организме, и взрыв спереди. Очнулся на полу, нашел ошупью ящик.

Такая вот история. Пожалел я его, не стал докладывать.

Мы посмеялись всей палатой и стали рассуждать: вот батарейку от фонарика на язык пробуешь – щиплет. В ней всего 4,5 вольта. А 220 вольт на слизистую главного места – не хило! Той тетке после электросекса теперь простые отношения пресными покажутся. А правда ли такая конфузия с кишечником бывает, или это случайность? И вспомнил я, как знакомый по детству и двору Витек, ныне рыбный браконьер, мне в отпуске рассказывал.

В одном неглубоком (по колено – сетку не поставишь) ручье водилось много рыбы. И он в болотных сапогах с подсачеком, обод которого был замкнут на провода проходящей электролинии, собирал там рыбу. Опускает сачок в ямку под берегом, вся рыба на расстоянии метров двух всплывает. Шел он так по ручью, а на мелком броде стоит в воде корова. Ручей перегородила, обходить неудобно, да и боязно: что у нее на уме? Вдруг бодается! Решил «щипануть» ее электричеством, может, уйдет.

Подошел метра на 4, опустил сачок в воду и начал подводить к коровьим ногам. И тут как начала она хвостом крутить, куда там вентилятору! А из кормового ее «орудия» такая стрельба пошла: жидко, очередями и метров на пять! Да еще газы со звуками! Стоял сзади – точно контузило бы и покалечило! А в воду упади – и электричество добьет! Вынул сачок из воды. Стоит корова, как ни в чем не бывало, спокойная. Только башкой с мутными глазами поворачивает и как бы удивляется: что тут происходило? А сачок в воду – и канонада будь

здоров! Ушел тогда Витек оттуда, не стал дожидаться, когда боеприпасы кончатся, – вдруг в штыковую пойдет!

Такие вот дела с электричеством. Учите, граждане, технику безопасности, особенно по пьянке пригодится!

Быки

Повадился крупный рогатый скот с местных полей к нам на аэродром травку щипать. Громадные быки запросто прорывали грудью редкую колючую проволоку ограждения. Хорошо, если полетов не было. Командир отдельного батальона обеспечения уже плакать начинал при словах «коровы» или «быки». Проволоки не хватает. Пробовали арестовывать несознательных животных. Но за ними никто и не думал приходить. Скотина, запертая в автопарке, ревет – поиться, кормиться, доиться хочет. Да и кучи откладывает, обильно их поливая. Вонюща! Мухи, слепни! Ночью караульные от запахов головой болеть начали. А днем в автопарке никто работать не хочет. Выгнали террористов беспропускных во чисто поле подальше, да поддали хворостиной, чтоб не возвращались.

Во время очередных полетов два быка вышли на ВПП (взлетно-посадочная полоса). И один из МИГ-23 при посадке уже на второй половине полосы с выпущенным тормозным парашютом наткнулся на нарушителя рогатого – повредил щитки на стойке шасси и оборвал электрожгут. После чего оба вредителя, один – сильно прихрамывая, с громким ревом убежали в обратном направлении. Полеты пришлось прервать на уборку дерьма (напугались рогатые) с полосы. Батальону вклеили «двойку» за обеспечение безопасности полетов и оформили ПЛП (предпосылку к летному происшествию) по вине личного состава. А последнее – это такая гадость! Целый год каждый месяц на всех подведениях итогов боевой подготовки от полка и до армии комбата будут нехорошо поливать помоями, а он – стой, поникнув головой, и слушай.

Комбат озверел: из ноздрей валил дым – курил, не переставая. Пришли два очередных рогатых вредителя. Полетов не было. Дежурный по АТО (аэродромно-техническому обеспечению) звонит:

– Товарищ майор! Тут опять быки на полосе! Двое. Что делать?

– Езжай в оружейку. Получи там АКМ, я позвоню. И положи этих гадов! Только не на полосе, отгони метров на 50 в сторону. И мясо никому не трогать, а то прокурор за мародерство посадит. Пусть гниют и воняют!

Дежурный приказ выполнил. И уже на следующий день к штабу полка прорвался местный грузин – хозяин быков. А командир полка и комбат уехали зачем-то в дивизию за 120 км. Зам. по летной подготовке звонит заму по ИАС:

– Иван Гаврилович, выручи! Не могу я этому грузину ничего про безопасность полетов и незаконное проникновение на территорию воинской части объяснить! Деньги требует! Говорит – не уйду, пока не отдадите. Не арестовывать же его, а милицию из района мы не дождемся. Да и отношения с местными обострятся – аукнется.

– Давай его ко мне! Пусть дежурный по штабу проводит.

Подполковник Волчков представляется грузину:

– Меня Иваном зовут. А тебя как?

Тот небритый, вспотевший и возбужденный нехотя отвечает:

– Джамал.

Подводит его к уазу:

– Сейчас съездим в одно место – посмотрим, что к чему.

– Э-э, зачем ехать? Мои быки – я на ухо метка смотрел. Не вэришь? Меня здэс многие знают.

– Почему не верю? Верю! Вот тебе сколько лет?

– Тот совсем остывая при нормальном общении, а грузины это очень ценят, «буром» на них лучше не переть:

– Сорок скоро.

– И мне 38, почти ровесники. Сейчас мы с тобой, как два взрослых и пока трезвых человека, оценим материальный ущерб. Ты ведь этого хочешь?

– Вах!.. Канэчна!

И везет он Джамала в ангар ТЭЧ (технико-эксплуатационную часть). В авиаполку обычно 4 подразделения – три авиаэскадрильи и ТЭЧ. В эскадрильях летчики летают, техники готовят самолеты к полетам и на полетах, а в ТЭЧ летчиков нет. Только ИТС. Они самые крутые спецы. Делают мелкий ремонт, ищут и устраняют сложные отказы на авиатехнике и главное – выполняют периодические регламентные работы. Для чего на самолете вскрывают все лючки, из корпуса (фюзеляжа) и кабины вытаскивают кучи датчиков, приборов и агрегатов и утаскивают их в лаборатории на проверку и юстировку. Самолет при этом выглядит для постороннего человека ужасно. Кресло вынуто и подвешено на кран-балке. Из всех дыр в самолете свисают жгуты проводов, на некоторых покачиваются еще не закрепленные приборы. Нос сворочен набок – там занимаются люди электронным прицелом. Двигатель с соплом выкачен назад на спецподставке. И человек 10-12 постоянно вокруг снуют, что-то уносят-приносят, взбираются наверх, из хребта выдвигают этажерки с кучей блоков. Складывается впечатление – отлетался навсегда! Разбирают на запчасти. А таких самолетов обычно стоит 2-3. Один на выходе с регламента, другой недавно поступил да еще один на устранении отказа, если в эскадрилье не справились или оборудование посложней понадобилось.

Джамал, как это все увидел, – встал зачарованным.

– Вайме! Это завод, да!

– Нет. Это вроде СТО, только для самолетов. Чинить пытаемся.

– Большие деньги делаете, да? Летчики много за ремонт платят?

– Бесплатно, дорогой! Государство полочку платит.

– Вах! С такой головой и руками иди на СТО – миллионер будешь!

– Ладно. Давай про быков. Сколько они стоят?

Джамал задумался. Было видно желание преувеличить, но вроде подружились – нехорошо.

– Я тебе так скажу. Если их живым весом сдать – получу по рублю за килограмм. Значит 300 рублей каждый будет. 600 давай, и едем чачу пить – угощаю.

– Ну, 600, так 600. Вот этот самолет новым стоил 21 миллион рублей. Сейчас ему уже 5 лет. 5 миллионов долой. Значит, он стоит 16 миллионов.

Джамал в возбуждении подпрыгнул:

– 16 миллионов! Не купить! Только если сильно сброситься всей деревней! Вай, летать никто не может. А ты продаешь? Долго на права сдавать?

– Ты не понял, Джамал. Из этих 16 миллионов один бык нанес повреждений при посадке на 6 миллионов с лишним – видишь сколько ремонта. И на том самолете другим быком ремонта на 4 миллиона с половиной. Я сейчас в бухгалтерию позвоню – они точные цифры знают. Потом отнимем твои 600 рублей, а остальное ты и твои родственники будут через суд выплачивать, – Волчков замялся и шепотом добавил: – не знаю сколько лет.

Потом вздохнул, приобнял за плечо ошалевшего грузина и сказал в ухо:

– Понимаешь, если бы мы хозяина не нашли, пришлось бы бесплатно работать, запчасти заказывать... А тут хозяин нашелся...

Джамал вскинулся просительно:

– Иван! Поехали к быкам! Я внимательно посмотрю – вдруг обознался!

Ну конечно обознался! И хозяина с таким клеймом он не знает, и в округе не знают – можно лучше не спрашивать. В кабинете у Волчкова выпили спирту по рюмашке. От приглашения в гости Иван Гаврилович отказался:

– Ты ж видел – ремонта много. Да еще большое начальство приедет разбираться – такие деньги! Ты уж извини, в другой раз.

Потом Волчков нам сказал:

– Так противно, будто ребенка обманул. А ведь по закону хуже только будет, вся деревня на нас озлобится.

Уничтожение спецобъекта

Из верхнего военного городка Вазиани, где жили офицеры и прапорщики, до нижнего, с аэродромом и казармами, было 6 км. На полеты или полковые построения всех в нижний городок отвозили автобус и 3 тентованных «УРАЛа» со скамейками в кузове. Если опоздал хотя бы на 5 минут к отправке – вниз опоздаешь надолго – добраться практически нечем.

Летом построение на первые смены обычно назначается на 3 – 3.30 утра. Потом начинается буксировка самолетов на стартовую позицию и их подготовка к полетам. Начальник группы АВ (авиационного вооружения) старший лейтенант Демченко опоздал. Может и закрыли бы глаза в эскадрилье, но полеты предстояли на полигон со стрельбами и бомбометанием, – отсутствие руководства группой недопустимо. Пришлось инженеру полка по АВ руководить непосредственно на стоянке оставшимся личным составом.

Есть у «вооружейников» одна тонкость. Если самолет уже подготовлен к стрельбам из блоков реактивными снарядами С-5, то, кроме летчика, никому больше в кабину садиться и делать проверки оборудования нельзя. При некоторых проверках отключают блокировки, и может начаться пуск снарядов. Демченко опоздал на два часа. Уже слетал «разведчик погоды», руководящий состав собрался на постановку задачи перед началом смены. Старлей решил сделать вид, что крутится на стоянке давно, – надо забраться в кабину и начать вылезать на глазах у возвращающегося с постановки начальства: будто проверками занимался. Чтобы чем-то заняться в кабине – начал проверять очередность подачи напряжения на стволы блоков. И пошли они родимые...

Блоки обычно подвешиваются под плоскости и находятся в метре от бетонки. Полностью на учебные стрельбы по 16 или 32 снаряда в них не заряжают. По 4-6 в каждый, для оценки точности попадания на полигоне хватает. Когда снаряд вылетает из блока, у него еще недостаточная скорость (ведь самолет в данном случае стоит), и он дает просадку на 40-60 см., затем разгоняется и летит, пока не встретит препятствие – цель. Конструкторы полагали, что целями будут служить: танки, автотехника или артиллерия противника, но в данном случае все 8 снарядов в пыль разнесли некое нужное бытовое строение на 3 очка, стоящее на газоне в 100 м от самолетов.

Руководящий состав полка только начал выходить с постановки задачи. И открылась картина... Из-под самолета с негромкими хлопками выпрыгивают на уровень колена блестящие метровые сигары, с лязгом распускают лопасти и, оставляя дымный след, устремляются к такому знакомому и всеми посещаемому строению. Взрывы слились в один продолжительный ба-а-а-а-а-а-ах. Присутствующие – народ опытный – все лежат, где стояли: осколки ловить никто не хочет. Демченко побоялся спуститься из кабины по стремянке. В блоке мог остаться снаряд и сойти позже, попав в него. Поэтому «проверяльщик» пробежал по хребту фюзеляжа, прыгнул с хвостовой плоскости и убежал со стоянки.

ЧП. Полеты не состоялись. Начали считать личный состав, поскольку от туалета ничего не осталось крупнее спичечного коробка, даже яму присыпало. Выяснилось: все живы, а последним туда за 5 минут до распыления сходил благополучно солдатик из метеогруппы.

Начальнику штаба надо писать официальную телеграмму о ЧП. Вся переписка о происшествиях велась под кодом «секретно» или «совершенно секретно». А как обозвать сортир в серьезном документе? Подсказали: назовем «аэродромный спецобъект».

В ответ сразу получают вопросы:

Какого ведомства или службы спецобъект?

Если пострадавших нет, то почему на спецобъекте никто не работает и не охраняет?

Сообщите название спецобъекта. Пример: аккумуляторная станция. Если объект сов.секретного назначения, сообщите порядковый номер согласно секретному перечню №...

Мозги полкового начальства перенапряглись, закипели. Одно чувствительное место органа начало пульсировать и подсказывать – это полный аут – ищи вазелин. Сообщили: «спецобъект» военного функционального назначения не имеет, а ходят туда только по большой нужде. Правильно: по малому на аэродроме везде можно.

Очередные вопросы:

Вы что на спецобъекты только срать ходите?!

А если и так, то по телефону не могли об этом признаться? Обязательно официальный документ послать?

Пришлось объяснять по телефону.

Во всех авиаполках бывшего СССР смеялись после информационной телеграммы от Главкома ВВС:

–

Молодцы эти ребята из Грузии! Ленъ старый сортир утилизировать – разбабахали, и строй новый!

Героя точной стрельбы поощрили понижением в звании и должности, вместо простого выговора за опоздание.

Но не всегда такие случаи вспоминаются со смехом. В соседнем полку сошедший на стоянке С-5 разрезал оперением живот майора – зам. по ИАС эскадрильи и унес на себе его внутренности.

А когда мы засели «по погоде» на одном из промежуточных аэродромов при полковом перелете в Мары, то сошла ракета с самолета местного полка со 125-килограммовой начинкой. Она прошла между ПУ ИАС, где нас было 12 инженеров 2-х полков, и узиком, в котором спал водитель. Промежуток составлял чуть больше метра. Ракету потом местный полк искал 2-ое суток. Нашли в 9 км, где она, не взорвавшись, воткнулась в землю и торчала столбиком с небольшим наклоном.

Лейтенант и маршал

В конце второй смены полетов не всем летчикам хватило воды помыться в душе. И это был не первый случай, и не второй. Даже зимой после полета у летчика-истребителя часто спина комбинезона мокрая от пота. А было лето, ночью на улице +30 градусов. И дома горячую воду уже не застать, ее дают 2 часа с утра и три часа вечером. Водопроводная вода тонкой струйкой доходила в конец аэродрома к высотному домику летного состава, поэтому баки для душа наполнялись привозной водой из автоцистерн. Ее и не хватило. Летчики привычно ворчали и вытирались полотенцем без воды. У лейтенанта Рябова наступил катарсис, и лейтенант «буром попер» на комбата обеспечения майора Неклюдова:

– Где мне мыться после полета, скажите? Вы отвечаете за эту проблему! Мне что – командующему армией жаловаться, раз в полку и дивизии об этом знают?

– Жалуйся, жалуйся. Командующий тебе спинку потрет! – у комбата столько нерешенных проблем, что из равновесия взбесившийся лейтенант его вывести не может.

– А вот и пожалуюсь! Посмотрю – как запоете!

– А вон телефон дальней связи – звони – командующий тебе рад в 2 часа ночи будет, – и комбат засмеялся.

Рябов закусил губу, подошел к телефону. В комнате было офицеров 10-12, все перестали разговаривать и внимательно смотрели на лейтенанта. Тот размышлял, куда звонить. Если до коммутатора армии дозвонишься, то кабинет лучше не просить соединить – телефонистка соединит с дежурным. На квартиру лучше не звонить: командующий наверняка там, спит и в порошок сотрет лейтенанта, обратившегося к нему «через голову» двух десятков начальников. На военной службе положено обращаться к своему непосредственному начальнику за разрешением – обратиться к начальнику твоего начальника. Сколько таких ступенек от лейтенанта до генерал-полковника?

А позвоню я в домик командующего, – решил Рябов. В два часа ночи ему там делать нечего, и все увидят – я звонил. На «придворном» аэродроме каждой армии у командующего есть свой отдельный домик. Там он готовится к полетам и отдыхает между ними. А если командующий уже самостоятельно не летает, то домик является люкс-гостиницей для приема высокопоставленных проверяющих и гостей. О последнем обстоятельстве лейтенант не подумал или не знал.

Он просит у коммутатора дивизию – дают. Там просит армейский коммутатор, – соединяют. Вот, когда надо, то по полчаса линию ждешь, а тут отмазка не проходит.

– Мне, пожалуйста, домик командующего, – голос внезапно стал хриплым.

– Пожалуйста, соединяю, – телефонистка приветлива. Нет, чтобы спросить: кто звонит? И сказать: Вас нет в списках на этот телефон. И все бы нормально закончилось.

На том конце линии сняли трубку:

– Маршал Пстыго, – представился собеседник.

Накануне известнейший в авиации летчик, Иван Пстыго, приехал то ли в гости, то ли с проверкой от министра обороны в воздушную армию, которой когда-то давно командовал. Поселили его в знакомом месте, да он бы и не поехал никуда больше. И видно не спал еще, или, может, застолье у них там было. Лейтенант решил, что его разыгрывает обслуга домика, – думают – знакомые звонят. Поэтому он без экивоков громко и решительно начал:

– Это лейтенант Рябов, товарищ маршал авиации. Никто в нашем полку не может решить проблему: как помыться летчику после второй смены. А комбат говорит: жалуйтесь кому угодно. Вот я и жалуюсь.

Сначала, при упоминании столь редкого звания, присутствующие напряглись, а комбат вздрогнул. Но потом начали недоверчиво улыбаться – вот Рябов дает, комбат начал смеяться. В трубке спросили уже жестким командным голосом:

– Ты с какого полка, сокол ясный?

Лейтенант назвал номер полка и название гарнизона.

– Ты вот что, Рябов, приедь-ка завтра к 15 часам в штаб армии. Очень хочу на тебя посмотреть. Как понял?

– Есть прибыть к 15 часам к Вам в штаб армии, – деревянным голосом доложил Рябов.

– Спокойной ночи, сокол ясный, – и положили трубку.

Рябову стало не до мнения присутствующих. Он бросился искать комэску или командира полка – признаваться в своем воинском проступке и отпрашиваться в Тбилиси. Спать уже было некогда, рано с утра ехать, чтобы успеть за 400 км к 15 часам. Командиру полка уже позвонил оперативный дежурный армии и обязал отправить лейтенанта. Он выслушал Рябова. Помолчал, сочувствующе покивал головой и сказал:

– Отлетался ты, наверное, Рябов. Ох, и далеко тебя сошлют. Будешь теперь на земле служить, – на КП, скорее всего. Езжай, приедешь – доложишь.

В 15 часов лейтенант Рябов постучал в дверь кабинета, к которой сопровождал его дежурный по управлению.

– Войдите!

Рябов мысленно попросил защиты неизвестно у кого (атеист, партийный) и вошел:

– Лейтенант Рябов по Вашему приказанию прибыл, товарищ маршал авиации! – слово «авиации» к воинскому званию добавлять без надобности, но от желания задобрить начальство – само вылетает.

Маршал сидел за столом и минуты две внимательно рассматривал лейтенанта. Примерно так смотрит энтомолог на пойманного для гербария жучка. У Рябова по спине потек холодный пот.

– Что, ясный сокол, тебе все понятно стало! – жесткий голос не оставлял надежды.

– Так точно, товарищ маршал авиации!

– Ну, тогда иди и больше так не делай! – маршал сказал это устало и даже как-то подомашнему.

– Есть, не делать, – Рябов, не веря ушам, по-уставному развернулся и собрался открыть дверь.

– Ты хоть понял, почему я тебя не стал наказывать? – догнал вопрос в спину.

Лейтенант снова развернулся:

– Никак нет, товарищ маршал авиации!

И тут маршал захохотал. Он смеялся секунд 15 и сквозь смех проговорил:

– Да я такой же, как ты, нахальный, в лейтенантах был! А тебя сразу со мной соединили, или ждать какую линию пришлось?

– Сразу.

– Я так и думал, что ты всех телефонисток перетрахать успел. Мне, маршалу, и то минут 5 ждать приходится. Все, иди, – и Пстыго махнул рукой, засмеявшись снова.

Лейтенанта и в части не стали наказывать. А комбата через три дня сняли с должности. Но тыловики обычно снимают, чтобы повысить. Так и этого. Помариновали за штатом месяц, пронеслась гроза, и назначили куда-то руководить армейскими складами. Новый комбат в первую очередь начал прокладывать еще одну линию водопровода к стартовой позиции.

Сходил налево

Куда деваться холостяку в провинциальном гарнизоне, когда гормоны начинают сочиться из ушей? Город, полный домов отдыха, Кобулеті недалеко – напрямую – километров 10. Но прямых дорог нет. Приходится ехать по большому кругу электричкой или автобусами с пересадкой. Как гласила устная инструкция в общежитии военного городка: ехать надо на второй день нового заезда отдыхающих. И вечером появиться на дискотеке в военной форме. Отдыхающие одинокие женщины подразделяются на три типа. Первые пускаются во «все тяжкие» сразу, охотно и с любым мужчиной. Они достаются местной грузинской молодежи. Вторые – хранят верность кому-то и весь отпуск неприступны. Третьи хотели бы завести романчик, но опасаются кавказского темперамента и непредсказуемости. Вот они и рады увидеть мужчину в форме. То есть становятся объектом охоты гарнизонных холостяков.

Кроме холостяков к охотникам относятся «ходоки». Эти содержатся на семейной диете, но не только в чужое меню заглядывают, но и попробовать не пропускают. Наш герой, старший лейтенант Шевляков Слава, уже не был холостяком, но и в ходоки еще не записался. Просто его жене надоела жизнь в гарнизоне, и она улетела в Москву пожить месяца 2-3 у родителей. Когда игра гормонов перекрыла все остальные желания, поехал Слава в Кобулеті. И повезло ему: на дискотеке в первый же вечер познакомился с очень привлекательной женщиной лет 24. Назвалась Мариной. Она пригласила Шевлякова в гости к себе в одноместный номер, но Слава был в форме и не пошел, рассудив, что в гражданский дом отдыха его на вахте не пропустят, а 10 рублей на взятку было жалко, да и привлечь внимание нельзя. Вахта отсекала местных

жителей, а Шевляков только в гражданском платье может сойти за отдыхающего. Поэтому Слава сослался на занятость и пообещал приехать через три дня – вечером в субботу.

Приехал. Одет был по последнему писку 80-х годов. Джинсы, бежевый батник (это рубашка с накладными карманами и на кнопках вместо пуговиц) и бежевые туфли в дырочках. Марина предложила сначала повеселиться на дискотеке: хотелось ей потанцевать с кавалером, а местных, горячих парней, она боялась. Под музыку одолели по паре крепких коктейлей, разогрелись – лето – жарко, и пошли к Марине в номер принять душ. Времени уже было около полуночи. На вахте вопросов не возникло. В номере на 7 этаже был накрыт роскошный стол. Коньяк двух наименований, шампанское в холодильнике, икра красная в баночке, копченое мясо, виноград, минералка, шоколад, растворимый дефицитный кофе. Оказалась – Марина работала снабженцем крупного гастронома в Ленинграде, поэтому могла себе такое позволить.

Пару раз выпили коньячку, закусили, покурили. И пошла Марина в душ. Слава разделся до плавок и, ожидая, отщипывал по ягодке и кушал виноград. В дверь постучали. Шевляков глянул на часы: полпервого ночи.

–

Ты ждешь кого-нибудь? – крикнул он в направлении душа.

–

Нет. – Марина появилась в кружевных трусиках и обтягивающей маечке.

Стук повторился.

–

Кто же это стучит?

–

Не знаю. Я здесь ни с кем пока не знакомилась, кроме соседей по столу в столовой. Но они – муж, жена и дочка – не знают моего номера.

Шевляков, как единственный рыцарь, пошел разбираться. У двери он спросил:

–

Кто там?

Ответа не получил, но постучали снова. Открыл дверь. Ничего увидеть не успел. Получил удар кулаком в переносицу. Кто-то схватил его за волосы и выдернул в коридор. Дверь в номер захлопнулась. Удар был резким, но не сильным. Разлепив глаза, Слава обнаружил себя на корточках у стены напротив двери в номер. Коридор был освещен, по нему ходили люди. В его конце, у открытого окна, курила группа мужчин. Босиком и в одних плавках было как-то неловко. Ситуация требовала осмысления. Шевляков прижался ухом к двери: в номере было тихо. Понимая, что неизвестный ему сразу не откроет, Слава пошел к окну и стрельнул сигарету. На отсутствие одежды на нем не обратили внимания.

И так – одежда, удостоверение личности и деньги остались в номере. В таком виде и без документов его сразу задержит милиция. Будет скандал с долгими разбирательствами на службе, партийным взысканием, строгом за утерю удостоверения и возможный развод с женой в финале. Погулял! Получил удовольствие. Шевляков попросил еще сигарету, выкурил, ничего не придумал и пошел к номеру. Постучал по привычке: три коротких, один длинный. Раздались шаги, щелкнул замок, дверь распахнулась. Слава не стал раздумывать. Грузину лет 30, одетому, в отличие от него, он засветил в крупный нос и, дернув за волосы, выкинул из номера. Заскочил, закрыл дверь. Марина сидела в кресле, поджав ноги и накрывшись покрывалом с кровати. Вид у нее был испуганный.

–

Ты что, так долго?

–

А кто это был?

–

Не знаю, клеился ко мне вчера днем, я отшила...

В дверь забарабанили.

–

Он тебе ничего не сделал? – Шевляков судорожно одевался.

–

Нет. Уговаривал подружиться с ним.

Дверь тряслась от ударов ногой. Грузин начал кричать:

–

Открывай, сука! Хуже будет! Друзья придут – дверь вынесем!

–

У тебя телефон внутренний есть в номере?

–

Вон там.

–

Звони на вахту! Скажи: в дверь ломаются!

Ну вот. Теперь попал в свидетели скандала. На службу сообщат. Уехал из гарнизона, не отпросившись у начальства, а положено. Строгача не миновать. До жены дойдет. Ну и погулял!

Марина позвонила. Через минут пять раздался топот по коридору, стук прекратился. Из-за двери спросили:

–

У вас все нормально? Мы его забрали.

Марина посмотрела на Шевлякова. Тот кивком головы показал на дверь, чтобы ответила.

– Да, нормально.

–

Наша помощь нужна? Откроете?

Шевляков отрицательно замотал головой.

–

Нет, спасибо. Я уже спала и не одета.

–

Хорошо, если что, звоните, – шаги по коридору удалились.

Слава налил в большие фужеры коньяку грамм по 150.

–

Давай, а то протрезвел.

Выпили. Зажевали бутербродами с икрой.

–

Я пойду, пожалуй.

–

Куда ночью – то?

–

На автовокзал. Ты извини, но всю лирику сломало. Пока.

И Шевляков ушел. Пока шел по коридору к лифту пообещал обязательно в церкви свечку поставить за благополучный исход. Так в ходки и не записался.

Комендант Затирыч

В Черниговском летном училище был одно время комендантом капитан (а потом и майор) Затирыч (фамилия немного изменена). В коменданты обычно назначают «насквозь деревянных» и исполнительных. Все четыре устава они знают назубок. Отличаются отсутствием юмора и садистским отношением к нижним чинам. Затирыч обладал крестьянским

юмором возможно потому, что в военном училище никогда не учился. Был солдатом, сверхсрочником, закончил краткосрочные полугодовые курсы и получил младшего лейтенанта. На должностях типа «подай-принеси» дослужился до капитана и был назначен комендантом. Тут и проявился его талант.

Солдаты и курсанты боялись его до судорог и потери речи. Голосом он обладал визгливым, почти преходящим в ультразвук. Для охоты на нарушителей после обеда сидел в засаде где-нибудь в кустах возле курсантских казарм и отслеживал одиночек. Одиночный солдат или курсант должен был передвигаться по территории училища только бегом – видно, что по делу спешит. А если идет – отлынивает от самоподготовки или работ. Вот передвигается какой-нибудь курсантик в сторону буфета и вдруг слышит отраженный эхом от зданий оглушающий визг:

–Курсант! Стойте! Я вас узнал! Бегом ко мне! – и поднимается из кустов. При этом в ужасе останавливается не только этот курсант, но и многие метров на 300 в радиусе.

У жертвы обычно отказывают ноги, хотя, как впоследствии выясняется, – убежать было бы можно без последствий. Затирыч сам подходит и уже издалека тем же визгом командует:

–Стоять смирно! Как ваша фамилия? Какой роты? Почему не на занятиях? У Вас пуговка расстегнута! Поздно хвататься – я уже срисовал! Объявляю Вам трое суток гауптвахты за нарушение распорядка дня и формы одежды! Дайте мне Ваш военный билет! Бегом в подразделение – доложите командиру об аресте и под конвоем вашего сержанта через 30 минут быть на гауптвахте! Как поняли? Повторить!

–Ме...му... аа...

–Молодец, сокол! Выполнять! – и Затирыч, забрав документ, опять исчезает в листве.

Гауптвахта училища была рассчитана на содержание 30 арестованных максимум. Сидело обычно не меньше 35-37 солдат и курсантов. Как правило, тремя сутками сидельцы не отделивались, просто Затирыч больше не имел права объявлять согласно уставу. На третьи сутки выпускнику доставалась «выпускная работа», которую один человек сделать за 12-14 часов не в состоянии. После чего за лень и невыполнение указания коменданта объявлялись еще 3 суток. Если сидельцу помогали выполнить работу сокамерники, то у него был шанс вырваться с гауптвахты. Наконец генерал – начальник училища, внимая жалобам преподавателей и инструкторов, вызвал Затирыча и запретил ему арестовывать курсантов за все мелочи, кроме самоволок и употребления спиртных напитков. Объяснил ему: сколько стоит обучение одного летчика и как трудно восполнять пропущенные дни. Затирыч стал выходить на охоту в город. Там ловил находящихся в увольнении солдат других воинских частей и оформлял их через комендатуру к себе на гауптвахту.

Территория училища во времена его службы была более, чем идеальной. Дорожки всегда без выбоин асфальта, поребрики сверкают свежей побелкой. Кустарники подстрижены ровненько, травка на газонах не выше 10 см. Клумбы правильных геометрических форм и поливаются 2 раза в сутки. Все столбики и заборы блестят свежей краской и помыты от пыли. Губари даже с груженными носилками передвигаются только бегом.

Утро гауптвахты после завтрака начиналось с развода на работы. Послушать выступление Затирыча старались все в окрестных зданиях, открывая широко окна и прячась за шторами. Губари стоят по команде «смирно», а комендант держит речь на 30-40 минут. Начинается с приветствия.

–

Здравствуйте, товарищи губари!

–

Здра-та-та-та!

–

Старшина! – старшина, помощник коменданта, громко орет:

–

Я!

–

Не слышу приветствия! Потренируйте, пожалуйста! Нерадивых я поощрю 3 сутками по Вашему представлению!

–

Есть!

И минут 10 раздаётся: «здравия желаем товарищ капитан». После чего состоится новое приветствие Затирыча, выслушивается ответ правым ухом с наклоненной к строю головой.

–

Молодцы!

–

Рады стараться!

–

А вот ты, сокол, не рад! – палец упирается в кого-нибудь в строю. – Старшина!

–

Я!

–

Может – он заболел? Отправить его на отдельные оздоровительные мероприятия с облегченным оборудованием. Пусть поправит здоровье!

–

Есть, товарищ капитан!

Облегченное оборудование – это кувалда. Далее начинается вступительное слово.

–

Товарищи губари! Родина надеется, что вы, применяя ум и труд, облагородите место своей службы. Солдат – это маленький трактор, он ворчит, но пашет! И при этом ни бензину, ни масел не требует! Только энтузиазм и размышления о допущенном вами упущении в службе, за которое вы зачислены в мой санаторий. Если вам доверили лопату – бери на нее больше, кидай дальше, пока летит – отдыхай! Если вам поручили кисть, краску и забор до обеда, – чтоб выглядел как дембельский альбом! Чтоб я мог по слою краски прочитать всю вашу жизнь и мое на нее влияние!

Спустя какое-то время начинается распределение работ. Надо сделать то, то, это и еще там. Затирыч спохватывается.

–

А, может быть, среди вас есть художники или оформители? Кто умеет хорошо рисовать? Старички и местные не отзываются. Но обычно находятся 3-4 добровольца из числа пойманных в городе, надеясь оформлять какой-нибудь плакат или боевой листок вместо тяжелой работы.

–

А, может быть, среди вас есть художники или оформители? Кто умеет хорошо рисовать?

Старички и местные не отзываются. Но обычно находятся 3-4 добровольца из числа пойманных в городе, надеясь оформлять какой-нибудь плакат или боевой листок вместо тяжелой работы.

–

О, есть художники! Старшина!

–

Я!

–

Выдай им карандашики!

–

Есть! – и художникам выдают по длинному тяжелому лому.

–

Сынок! Вот тебе карандашик! Рисуй им так, чтоб плавился!

Однажды Затирыч поймал за отсутствие головного убора в вокзальном буфете матросика, ехавшего в отпуск. Он ссадил его с поезда и определил на свою губу. Матросик там провел три раза по трое суток от своего 10-суточного отпуска. Вот он и назвался в первый день художником. Приходит Затирыч спустя часа два после развода на проверку работ и видит: сидит матросик на травке и курит, а лома и рядом нигде не наблюдается. Матросик его сразу за внешний забор перебросил, старшину послал далеко и стал горевать о потерянном времени отпуска. Старшина, чтоб не нарваться на замечание, с докладом не побежал, будто не заметил. Затирыч так удивился отсутствию лома, что не объявил сразу 3 суток ДП (добавочная порция) за курение.

–

Сынок!

Тот сидя:

–

А?

–

Где карандашик?

–

Расплавился!

–

Сынок!

–

У?

–

Ты дяденьке капитану сидя не отвечай! Поднимись и напузырься, как на параде! А то до конца твоих трех лет службы меня каждый день видеть будешь! Старшина! – голос охватил весь микрорайон города. Через секунд 15:

–

Я!

–

Выдай сынку карандашик. Найди остаток предыдущего. И оформи ему в журнале еще 3 суток за курение в непопозволенном месте и без разрешения.

Жена Затирыча работала бухгалтером в финчасти училища. Как-то утром она забыла дома пропуск, и солдатик на КПП не пустил ее на территорию училища. А кабинет Затирыча из двух комнат находился на этом КПП. Она потребовала позвать коменданта. Позвали.

–

Коля! Меня из-за пропуска не пускают на работу! Скажи им!

–

Гражданка Затирыч! Это я Вам дома – Коля! А здесь – комендант и товарищ капитан! Потрудитесь съездить домой за пропуском! И пусть вам запишут опоздание на работу без уважительной причины, я прослежу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.